

ВООБЩЕ, СКАЛЯРНОСТЬ И КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА

С.Г. Татевосов

МГУ имени М.В. Ломоносова

НОШ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

tatevosov@gmail.com

Андрей Александрович Кибрик внес основополагающий вклад в очень многие области исследования дискурса — от референции (Kibrik 2011) до мультимедийной коммуникации (например, Кибрик 2018a,b). В этом очерке, поздравляя А.А. с днем рождения, я бы хотел заглянуть в ту область, с которой он не очень много работал непосредственно, но которую, кажется, всегда держал в поле зрения. Она описывается следующей цитатой: «Многие морфосинтаксические, лексические и фонетические явления могут быть поняты лишь с учетом лежащих в их основе дискурсивных факторов» (Кибрик 2009: 4). Думаю, во многих случаях верно и обратное: определенные дискурсивные факторы начинают выглядеть более отчетливо, если внимательно присмотреться к характеристикам определенного класса языковых единиц. Один такой класс — **дискурсивные слова**, дистрибуция которых ограничена не столько локальными свойствами морфологических и синтаксических конфигураций, элементами которых они выступают, сколько глобальными характеристиками дискурсивной структуры.

Следующие страницы посвящены обсуждению дистрибуции дискурсивного слова *вообще*, которая на первый взгляд весьма многообразна и с трудом поддается общему истолкованию. (1-3) иллюстрируют употребления *вообще* в утвердительном, отрицательном и вопросительном предложениях.

- (1) *Мохнатились в углах толстые трубы;... приземистые, зеленые, как лягушки, чавкали два насоса, и в центре... сидела некая прабабушка современной ракеты с двумя недействующими манометрами, как в подвязанных ниточками очках, и тихо посапывала, открыв опустевший рот топки. Мужик хорошо за ней ухаживал: она вся налилась надежной старостью и поблескивала редкой надраенной медью. Ей было здесь хорошо, здесь вообще было хорошо: тепло, чисто и темновато от экономной лампочки. [Андрей Битов. Глухая улица]*

- (2) *Отец был красным профессором, деканом истфака МГУ...; человек был общительный, в доме постоянно гости. Водку они не пили, только красное, а выпив, допоздна разговаривали и пели революционные песни... Но когда приезжал минский дедушка, гостей не звали, **никого вообще не пускали**, в доме бывало тихо, даже по телефону говорили вполголоса.* [Феликс Светов. Мое открытие музея]
- (3) — *А этот имел и кафедру, и почет, и признание, и учеников. И все это было правильно, ибо целесообразно.*
 — *А совесть?*
 — *Ну а что совесть, Георгий Николаевич! Да **что это за понятие вообще?** Тут ведь почти пилатовский вопрос: «Что есть истина?»* [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей]

Про каждое из этих употреблений *вообще* и его аналогов в других языках (см., например, Rojas-Esponda 2014 о немецком *überhaupt*) имеются разнообразные семантические предположения.

Популярная идея о предложениях типа (2) — идея о расширении домена, впервые высказанная, по-видимому, в Kadmon, Landman 1993. Согласно этой идее, *вообще никого не пускали* отличается от *никого не пускали* тем, что контекстный домен квантификации становится шире. В него включаются также такие индивиды, по поводу которых в обычных условиях не возникает вопрос, впускать или не впускать: ‘не впускали даже тех, кого в нормальной ситуации всегда пускали / кого нельзя не пустить’.

Вообще в вопросах типа (3) в Iatridou, Tatevosov 2016 анализируется как элемент со скалярной пресуппозицией и максимально широкой сферой действия — над речевым актом вопроса. Предложения вида *Вообще Q?* при таком анализе имеют интерпретацию ‘У говорящего есть даже вопрос Q, наименее вероятный в текущем контексте’. Минимальная вероятность вопроса связывается с максимальной вероятностью того, что ответ на него известен. Именно поэтому вопросы типа (3) воспринимаются как сигнал, что об обсуждаемом предмете нет даже самой базовой информации. В (3), в частности, нуждается в ответе самый элементарный вопрос о совести — ‘Что это за понятие?’.

По поводу утвердительных предложений типа (1), которые в литературе обсуждались на удивление меньше, чем два других типа, отмечается, что «включаясь в определённую последовательность, *вообще* помещается перед последним членом этой последовательности... Отношения внутри последовательности могут быть отношениями частное — общее» (Девятова 2020: 31). В рамках такого описания более частное утверждение в (1) — ‘ей здесь было хорошо’, более общее, помеченное словом *вообще*, — ‘здесь было хорошо’. С учетом этимологии слова *вообще* это, конечно, не удивительно.

У всех этих употреблений просматривается общий знаменатель: имеется набор элементов (множеств объектов в (2), множеств утверждений в (1), множеств вопросов в (3)), упорядоченных отношением асимметричного следования или аналогичным. *Вообще* сигнализирует переход от более «сильного» элемента к более «слабому»: к объемлющему множеству в (2), к надвопросу в (3), к более слабому утверждению в (1).

Общий анализ для этих случаев становится возможен, если предположить, что *вообще* обращается не к множествам индивидов, пропозициям или даже, как в случае с вопросами, множествам пропозиций, а к элементам более высокого уровня — уровня дискурсивной структуры. Каким именно элементам?

Коммуникацию можно рассматривать как обмен информацией, в процессе которого происходит сужение контекстного класса возможных миров, к которым относится актуальный (Stalnaker 2014). Вопросительное высказывание задает множество ответов (Hamblin 1973), из которых предлагается выбрать тот, что соответствует положению дел в актуальном мире. Ответ, утвердительное предложение, будучи принят участниками коммуникации как истинный, определенным образом локализует актуальный мир в пространстве возможностей.

Соответственно, модель коммуникативного взаимодействия может состоять в том, что в каждой его точке говорящий и слушающий вырабатывают общую позицию относительно **обсуждаемого вопроса (ОВ)**, question under discussion (QUD; Roberts 2012). Например, если тема разговора — предстоящий поход в ресторан, один из ОВ — это набор пропозиций {‘Мы идем в «Пушкин»’, ‘Мы идем в «Гоголь»’, ‘Мы идем в «Чехов»’, ...}. Перед участниками коммуникации стоит задача выбора одной из этих альтернатив. Признание альтернативы истинной в актуальном мире означает, что ОВ разрешился. Отметим также, что ОВ может, но не обязан быть задан эксплицитно.

ОВ организованы линейно — по мере развертывания коммуникации собеседники переходят от одного ОВ к другому. Они также организованы иерархически: любые два ОВ могут соотноситься как подвопрос и надвопрос. Например, если ОВ — ‘В какой ресторан мы идем?’, то возможные подвопросы для него ‘Мы идем в рыбный ресторан?’ или ‘Мы идем в мясной ресторан?’, а надвопросы — ‘Мы идем в ресторан?’ и, далее, ‘Что мы делаем вечером?’. Тем самым ОВ образуют самостоятельную структуру, которая отражает организацию коммуникативного взаимодействия.

Аргумент в пользу эмпирической реальности любой предполагаемой структуры — наличие языковых выражений, дистрибуция которых объясняется в ее терминах. Как кажется, именно через структуру ОВ семантику *вообще* можно сделать наиболее эксплицитной. Наша гипотеза сформулирована в (4):

- (4) **Вообще** сигнализирует об обращении к ОВ, выступающему надвопросом по отношению к текущему. Вопросительные предложения с **вообще** выступают надвопросом к текущему ОВ непосредственно. Утвердительные предложения с **вообще** (как с отрицанием, так и без) дают ответ на надвопрос.

Рассмотрим в свете этой гипотезы дискурсивные эффекты *вообще*, с которыми мы сталкиваемся в (1–3), — **разрешение надвопроса и оспаривание пресуппозиции**.

В (1) предложению с *вообще* предшествует утверждение ‘ей здесь было хорошо’, которое представляет собой ответ на ОВ ‘Как ей здесь было?’. Этот ОВ — подвопрос более общего вопроса ‘Как здесь было?’ (наряду с целым рядом других вопросов — ‘Как было здесь X-у?’, ‘как было здесь Y-у?’,...). Предложение с *вообще* дает ответ на этот надвопрос, тем самым разрешая и все его подвопросы. Ответ на любой подвопрос — семантическое следствие ответа на надвопрос (‘здесь было хорошо’ → ‘было хорошо X-у’), поэтому результирующий эффект — истинность пропозиции ‘здесь было хорошо кому угодно’.

Симметричный случай утверждения с *вообще*, которое разрешает надвопрос к текущему ОВ, представлен в (2). В (2) текущий ОВ — ‘Попадали ли внешние люди в дом к качеству гостя?’, и на него отвечает предложение *Гостей не звали*, предшествующее предложению с *вообще*. Пропозиция предложения с *вообще* ‘никого не пускали’ отвечает на надвопрос к ОВ: ‘Попадали ли внешние люди в дом?’. Этот вопрос получает отрицательный ответ, и все его подвопросы, том числе текущий ОВ, тем самым разрешаются. Условие, при котором ОВ мог бы иметь положительный ответ, не выполняется: нельзя прийти в гости в дом, в который вовсе нельзя попасть, не только в качестве гостя, но и в любом другом качестве.

В (3) *вообще* употребляется в вопросительном предложении ‘Что такое совесть?’ и маркирует его как надвопрос к ОВ. ОВ в данном случае возникает во второй реплике диалога — ‘следует ли при оценке того, что правильно, принимать во внимание совесть?’. Предложение с *вообще* ставит под вопрос пресуппозицию, связанную у слушающего с этим ОВ, а именно: что такое совесть, известно. Естественно, сам ОВ можно осмысленно обсуждать только в том случае, если эта пресуппозиция удовлетворяется. Эксплицитно задавая надвопрос, говорящий сигнализирует, что обсуждение ОВ неуместно ввиду отсутствия ясности в более общем вопросе. Тем самым (3) иллюстрирует еще одну важную функцию предложений с *вообще* — **оспаривание пресуппозиций**.

В пользу гипотезы (4) есть несколько дополнительных аргументов. Отметим два из них.

Во-первых, *вообще* очень ограничено в составе интродуктивных элементов дискурсивной последовательности. Предложение типа *Здесь вообще было хорошо* аномально как первое предложение нарратива — ровно потому, что *вообще* обращается к надвопросу для текущего ОВ, но в начале нарратива сам текущий ОВ еще не сформирован. Если нарратив все же начинается именно так, читатель должен аккомодировать информацию, что нарратор имеет в виду некоторый ОВ, но еще не сообщил об этом.

Во-вторых, идея, что утвердительные предложения с *вообще* отвечают на надвопрос к ОВ, делает следующее предсказание: использование таких предложений как прямого ответа на сам ОВ невозможно. Они должны быть уместны ровно в той степени, в которой вместо прямого ответа слушающий готов принять ответ на более общий вопрос. Предсказание судя по всему выполняется. Например, в (5) ответная реплика уместна именно в этом качестве (вопрос А), но аномальна как прямой ответ на ОВ (вопрос В):

(5) А: Тебе понравилась исландская кухня?

В: #Как ты провел время в Исландии?

— Я вообще очень хорошо провел время в Исландии.

В этом очерке, конечно, невозможно изложить полное описание дискурсивной семантики *вообще*, а также охарактеризовать его недискурсивные употребления (например, *Вообще я люблю исландскую кухню, но сегодня хочется грузинской*). Кажется, однако, что даже из ограниченного материала, который рассмотрен выше, можно извлечь два полезных урока. Во-первых, коммуникативная структура, содержащая ОВ, эмпирически реальна. Во-вторых, дистрибуция *вообще*, в частности, его использование для разрешения надвопросов и оспаривания пресуппозиций, позволяет говорить о скалярном упорядочивании ОВ, где подвопросы задают более дробное разбиение множества возможных миров, попадающих в один класс с точки зрения ответа на надвопрос.

Л и т е р а т у р а

- Девятова Н.М. 2020. Вводно-модальные слова и проблема их текстовой семантики. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, №1, 26–36.
- Кибрик А.А. 2018а. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы. *Психологический журнал*, т. 39, №1, 70–80.
- Кибрик А.А. 2018б. Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Постановка проблемы. *Психологический журнал*, т. 39, №2, 71–90.
- Кибрик А.А. 2009. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания*, № 2, 3–21.

- Hamblin C.L. 1973. Questions in Montague English. *Foundations of language* 10, 41–53.
- Iatridou S., Tatevosov S. 2016. Our even. *Linguistics and Philosophy* 39.4, 295–331.
- Kadmon N., Landman F. 1993. Any. *Linguistics and Philosophy* 16, 353–422.
- Kibrik A.A. 2011. *Reference in discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Roberts C. 2012. Information structure: Towards an integrated formal theory of pragmatics. *Semantics and Pragmatics* 5(6), 1–69.
- Rojas-Esponda T. 2014. A discourse model for *überhaupt*. *Semantics and Pragmatics* 7, 1–45.